

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 289

Декабрь

2005

Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология»

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803X от 20 апреля 1999 г.
Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

МЕМУАРЫ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ПЕРСОНАЛИИ

Борису Георгиевичу Могильницкому 75 лет 3

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Гаман Л.А. Советская история в изображении Ф.А. Степуна: к постановке вопроса 6
Горбунова Ю.Ф. Изучение личности и государственной деятельности императора Николая II
в современной отечественной историографии: реальность и перспективы 14
Гумерова Ж.А. Идеал святости на Руси у Г.П. Федотова 32
Жеравина А.Н. Исследования 80–90-х гг. XX в. по истории кабинетского хозяйства в Сибири (1747–1861 гг.) 39
Коктыш В.А. Г.В. Вернадский о монгольском завоевании в русской истории 51
Турнаев В.И. Положение иностранных учёных в послепетровской России 55
Турнаев В.И. Немецкие учёные в послепетровской России: встреча с действительностью 65
Тюменцев Ю.А. Образ христианского историзма в раннем творчестве Г.В. Флоровского 73
Хазанов О.Б. Еврейское национальное самосознание эпохи модернизации в свете научного
и религиозного подходов 93
Чуркин М.К. Проблема роли природно-географического фактора в русской истории в оценках
отечественной историографии и общественно-политической мысли второй половины XIX–XX в. 108
Ширко К.Н. Исторический процесс в интерпретации Н.А. Бердяева: диалектика божественного и человеческого 113
Яблоков И.А. Мифологический образ Е.П. Блаватской в контексте концепции мифа А.Ф. Лосева 121

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Мауль В.Я. Методологические проблемы междисциплинарного изучения
русского бунта: достоинства и недостатки 125
Мауль В.Я. Русский бунт как форма культурной идентификации переходной эпохи 144

ИСТОРИЯ ТГУ И ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

Жеравина А.Н. «Отечеству и науке» – девиз университетских студентов дореволюционного Томска 158
Петрик В.В. Система управления высшей школой в конце 50-х – начале 90-х годов XX века
(на примере вузов сибирского региона) 168
Черказьянова И.В. Попечитель учебного округа Л.И. Лаврентьев и Томский университет:
сотрудничество и конфликты 177

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Соколов В.Ю. Основания расширения понятия «содержание образования»
в курсе «Методика преподавания истории в школе» 188
Тимошенко А.Г., Логутова Н.Б. Болонский процесс. Основные задачи и действия по их реализации 193

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 199

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НААНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 201

«УВЛЕЧЕНИЕ» – ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Образ Вечности на земле (Иерей Андрей Носков); О мечети, синагоге и других томских храмах (Н.М. Дмитриенко)

FEDERAL AGENCY OF EDUCATION
VESTNIC TOMSK STATE UNIVERSITY
GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 289

December

2005

Series «History. Study of local lore. Ethnology. Archaeology»

Certification of registration: printed version № 018694, electronic version № 018693
Issued by Russian Federation state committee for publishing and printing on April, 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
on April, 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

HISTORIOGRAHY. SOURCE STUDY

Gaman L.A. Soviet history in interpretation of F.A. Stepanov: to the formulation of the question	6
Gorbunova Y.F. The investigation of emperor's Nicolas II personality and his state activity in modern Russian historiography: reality and prospects.	14
Gumerova Z.A. The ideal of sanctity in Fedotov's works	32
Zheravina A.N. Studies of the 80-th – 90-th years of the 20-th century devoted to the history of cabinet economy in Siberia	39
Koktysh V.A. George Vernadski about the Mongolian conquest in the Russian history	51
Turnaev V.I. The standing of foreign scientists in the post Peter the First's period	55
Turnaev V.I. German scientists in the post Peter the First's Russia: the meeting with the reality	65
Tyumentsev Yu.A. Christian vision of history in early works of G.V. Florovsky.	73
Khazanov O.V. The Jewish national consciousness in epoch of modernization from the standpoint of the scientific and religious approaches.	93
Churko M.K. Peculiarities of the agricultural crisis in the provinces of Russia, and possible ways of its overcoming in the second part XIX – beginning XX centuries.	108
Shyrko K.N. Historical process in N.A. Berdyaev's interpretation: dialectics divine and human v	113
Yablokov I.A. Mythological character of H.P. Blavatskaya in the context of the concept of A.F. Lose	121

RUSSIAN HISTORY

Maul V.J. Methodological problems of inter-disciplinary study of Russian riot: merits and demerits	125
Maul V.J. Russian riot, as the form of cultural identification of the transitional epoch	144

THE HISTORY OF THE TSU AND EDUCATION IN SIBERIA

Zheravina A.N. «To Country and science» – the slogan of the university students of the pre-revolutionary Tomsk	158
Petrik V.V. the system of higher school management at the end of the 50 ^s – the beginning of the 90 ^s of the XX th century (illustrated by the examples of higher schools of Siberian region)	168
Cherkazianova I.V. The curator of the West Siberian School District L.I. Lavrentev and the University of Tomsk: cooperation and conflict	177

PROBLEMS OF EDUCATION

Sokolov V.Yu. The problems of construction the course «Methods of the teaching history in a school»	188
Timoshenko A.G., Logutova N.B. Bologna declaration. principal topics and action in the process of fulfillment	193

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTORS.	199
--	-----

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH.	201
--	-----

«UVLECHENIE» – A MAGAZINE IN JOURNAL

ПОЛОЖЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ УЧЁНЫХ В ПОСЛЕПЕТРОВСКОЙ РОССИИ

В статье рассмотрено положение иностранных учёных в послепетровской России, их отношения с правящей элитой и академической бюрократией.

1. СОЦИАЛЬНЫЕ И МАТЕРИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ

Пора надежд, с которой началась жизнь немецких учёных в России, скоро сменилась порой разочарований. Внимание и забота, которыми они были окружены в первые годы пребывания в Петербурге и которые, несомненно, придавали дополнительный вес их статусу в русском обществе, оказались непродолжительными. И.Д. Шумахер (библиотекарь СПб. Академии наук со времени ее основания до 1757 г.), например, всегда ориентировавшийся на взгляды и настроения Двора, в первые годы называл учёных не иначе как «избранными людьми» и учёными «с первого ордера» [1. Т. 1. С. 272]. Погружённые в собственные заботы, правящие круги России вскоре забыли об Академии. Предоставленная же самой себе, точнее (как будет показано ниже), произволу академической Канцелярии, она могла обеспечивать своё существование только ценой неустанной борьбы за те права и привилегии, которые ей первоначально были дарованы. Не касаясь причин, приведших к понижению социального статуса петербургских учёных, это вопрос особый. Предварительно ответить на него можно было бы следующим образом. Во-первых, в том, что правительство стало ущемлять права учёных (не дворян!), не было ничего удивительного. Удивительным было то, что оно однажды предоставило эти права. Во-вторых, изменилось отношение иностранцев к Петербургской академии. Европейские учёные, как известно, долгое время опасались ехать в Россию, представлявшуюся им «страной льдов» и диких варварских народов [2. С. 66, 67, 78; 3]. Однако, когда из Петербурга потекли восторженные письма [4] и лёд недоверия был сломан, вопрос о кадрах для Петербургской академии был решён. В-третьих, вскоре после начала функционирования Петербургской академии в ней стали появляться (несмотря на сопротивление иностранцев) русские учёные, способные заменять иностранцев на ведущих академических должностях, что также не могло не отразиться на отношении к ней правительства: Академия переставала быть «островком Запада». Имели место, возможно, и другие причины.

В первую очередь стало ухудшаться материальное положение. «Нехватка денег, – свидетельствует Г.-Ф. Миллер, – началась уже в 1727 г. Если поступали деньги за текущий год, то они выплачивались в счёт погашения долгов за прошедший, или распределялись кому как заблагорассудится. В результате получалось, что сумма, определённая на Академию (имеется в виду научная часть), не выплачивалась исправно» [1. Т. 6. С. 159].

В правительственных кругах было безызвестно, что профессора «все такие люди суть, которым жалованием своим жить надобно» [1. Т. 1. С. 22], однако судьбами Академии интересовались там мало, вследствие чего она

надолго оказалась в тисках хронического денежного дефицита. Профессора, исследовавшие финансовое состояние Академии в 1745 г. (т.е. спустя 20 лет после её основания), пришли к парадоксальному выводу: оказалось, что в ней «всегда больше было расходу, нежели приходу» [1. Т. 7. С. 551, 718, 719]. По их подсчётам, одно только жалование служащих составило в 1745 г. 28960 руб., тогда как общий бюджет оставался на уровне, определённом ещё Петром, – 24912 руб. Жалование служащих Академии стало превышать отведённую на последнюю сумму с 1730 г. Ежегодно возрастая, превышение составляло в среднем 9–10 тыс. руб. [2. С. 139].

Доходило до беспрецедентных случаев: чтобы рассчитаться с учёными, Канцелярия вынуждена была занимать деньги у частных лиц и одалживать железо в Берг-Коллегии (чтобы продать его тем же частным лицам) [1. Т. 1. С. 365, 367, 376, 377; Т. 5. С. 98; Т. 6. С. 242], а также вводить время от времени позорную практику оплаты труда академических служащих книгами (изданными, но не реализованными Академией) [5. Т. 10. С. 39, 274]. Унизительный обычай был отменён в конце 1748 г. [1. Т. 9. С. 550]. Правительственные дотации [1733, 1737 (две), 1738 и 1740 гг.] общей суммой в 104429 руб. [4. С. 139] не могли изменить тяжёлого финансового положения Академии, всё больше накапливавшей долги. Увеличив в 1747 г. бюджет Академии до 53298 руб., правительство Елизаветы лишь привело в соответствие то, что уже много лет являлось назревшей необходимостью.

Отсутствие денег понижало жизненный уровень учёных (как, впрочем, и других академических служащих). Могут возразить: деньги, отпускаемые на Академию, поступали в нее в конечном итоге в полном объёме, так что временное их отсутствие не имело отрицательных последствий. Это не так. Конечно, суммы, определённые на жалование, в конце концов выплачивались. Однако задержки в выплате (длившиеся иногда более года) вынуждали учёных занимать деньги под проценты, входить в долги. Ясно, что такая практика вызывала недовольство. Как неоднократно указывали сами учёные, «никаких иных доходов, кроме... жалованья», они, «яко иностранцы», не имели [1. Т. 5. С. 928, 950; Т. 7. С. 382]. Следует отметить, однако, что, утверждая это, они несколько отступали от истины, ибо умалчивали о других, внеакадемических, источниках своих доходов: медицинской практике, репетиторстве, чтении лекций частным лицам и т.п. услугах, которые они время от времени оказывали и которые были разрешены петровским Проектом [1. Т. 1. С. 20]. Однако, во-первых, это были, как правило, нерегулярные заработки; во-вторых, они не были высокими (когда, например, в 1736 г. государственное медицинское ведомство попыталось взять под свой контроль медицинскую практику членов Академии, они без сожаления отказались от неё [1. Т. 6. С. 439–440]); в-третьих, не все учёные (в силу

специфики профессии) могли прибегать к подобному способу изыскания средств (не говоря уже о том, что работа за деньги вне Академии часто являлась вынужденной вследствие всё тех же злополучных задержек жалования) [5. Т. 9. С. 584].

Вот что, например, писал президенту К.Г. Разумовскому доведённый до отчаяния профессор Х.-Н. Вингейм (дело происходило в марте 1747 г.): «...Ни я, ни жена моя с детьми ныне ни платья, ни белья [не] имеем, и что [о]собливо жена моя в тринадцатилетнем времени не токмо все принесённые приданные платья, но [и] столовый убор с бельём... и домашние имения все издержала; також, что и я усмотреть не могу, как мне будущю весною можно будет, при слабом моём здравии, в одноколке с дряхлою и неупотребимою лошадыю, вместо мне весьма нужной коляски, ежедневно в академии многие на меня положенные дела (учёный исполнял в это время обязанности конференц-секретаря Академии. – *В.Т.*) управлять» [1. Т. 8. С. 397]. Я, продолжал учёный, все возложенные на меня обязанности «с терпеливостию нести стану..., сиё токмо меня крушит, что *все наши имения до последней уже ложки заложить и такой мне не малый, по моему состоянию, капитал за великие проценты занять принужден был...*» (выделено мною. – *В.Т.*) [1. Т. 8. С. 397]. В заключение Вингейм сообщал, что он задолжал уже 809 руб. – сумму, превышавшую его годовое жалование [1. Т. 8. С. 398]. Подобных ситуаций было множество [1. Т. 2. С. 482, 483, 486–487, 490–492, 495–496, 612–616; Т. 7. С. 928; Т. 8. С. 231, 733; Т. 9. С. 47–48, 60, 140, 235–236; 6. Т. 1. С. 471; 7. С. 25].

К постоянному отсутствию денег и связанным с ним задержкам жалования добавились новые проблемы: ухудшение жилищных условий, удорожание стоимости жизни, изменения в семейном положении и прочее. Все они также отрицательно влияли на уровень жизни учёных. Так, для иностранных членов Академии предполагалось построить особый жилой дом. «...Однако, – как сообщается в одном из академических документов, – то строение от Канцелярии Строений не воспоследовало», и «академия принуждена [была] разные дома на Васильевском острову из своей суммы нанимать; также и профессоры, за неимением выгодных (удобных. – *В.Т.*) покоев, принуждены [были] дома себе или купить, или нанять за свои деньги» [1. Т. 2. С. 570]. Нередко дома, в которых проживали учёные, использовались для постоя солдат петербургского военного гарнизона. Специфический армейский быт врвался в творческую атмосферу научного поиска, делая его невозможным, и учёные заваливали жалобами академическую Канцелярию и правительственные инстанции. От солдатских постоев, жаловались правительственным чиновникам авторы процитированного документа, «происходит академистам не токмо в жильях великое утеснение, но и в учениях, и в делах, от академии задаваемых, препятствие; к тому же дрова и свечи, которые помянутым солдатам даются, надлежит покупать из академической... суммы...». Примечательно, что Л. Эйлер, ведя переговоры с академической администрацией о возвращении его с семьёй в Петербург, в числе условий переезда выдвинул следующее: предоставленная ему квартира должна быть свободна от солдатских постоев [6. Т. 1. С. 290].

Сохранились документы, из которых можно заключить, как жили петербургские учёные. Надо признать, картина складывается не радужная. «А что до моего жилища касается, – сообщал как-то в Сенат профессор И.-Г. Лейтман, – ...[то] оно библиотекариус (Шумахер. – *В.Т.*) всегда до окончания 1730 году мне нанимал. А... та наёмная квартира зело была ветха, и затем оную согреть невозможно было, отчего я, штидесятпятилетний муж, в здравии своём признал великую слабость, да к тому ж всю зиму ничего работать не мог...» [1. Т. 2. С. 210]. Учёный рассказывает, что за время службы в Петербурге он сменил четыре квартиры и в настоящее время вновь находится под угрозой выселения: квартплата растёт, а Академия денег не платит, и вот, заканчивает он печальный рассказ, «не знаю, куда мне с скарбом своим деваться...» [1. Т. 2. С. 210–211]. В аналогичном положении в марте 1731 г. оказался профессор И. Вейтбрехт: Академия не уплатила деньги за нанимаемую для него квартиру, и дворецкий баронов Строгановых (которым принадлежала квартира) забрал в счёт уплаты долга принадлежавшие учёному книги [1. Т. 2. С. 38–39].

Профессор И.-Х. Гебенштрейт приехал в Россию 17 лет спустя после описанного случая с Лейтманом, имевшего место в 1732 г. (кстати сказать, вскоре после этого Лейтман, связывавший, как мы видели, болезненное свое состояние с плохими жилищными условиями, скончался). Однако и он оказался в аналогичном положении. В донесении в академическую Канцелярию от 21 мая 1750 г. учёный сообщал, что кровля дома, в котором он проживает, «так худа, что как прошлой зимы, когда шёл снег, на потолок много его наносило, так и ныне в дождь не токмо на потолок вода наливается, но и в... горницу во многих местах проходит» [1. Т. 10. С. 417]. Желая усилить впечатление от нарисованной картины, Гебенштрейт добавляет детали: «Перекладыны на потолке сгнили» и «прошлого года несколько крышки упало» [1. Т. 10. С. 417]. В общем, подытоживает он, «невозможно более оста[ва]ться в сей квартире, понеже опасно, чтоб кровля опять не упала, да к тому ж много дров исходит, ибо двери и оконницы худы» [1. Т. 10. С. 417].

По разным причинам на неудовлетворительность жилищных условий жаловались Г.-З. Байер, Л. Эйлер, И.-Э. Фишер, М.В. Ломоносов и др. [1. Т. 3. С. 417–418, 594; Т. 4. С. 225, 240, 506–507, 513–514; Т. 9. С. 550–551].

Учёные обращали внимание правительства на недостаточность выплачиваемого жалования, ссылаясь на возрастающую стоимость жизни, изменения в семейном положении и прочие факторы, снижавшие и без того невысокий уровень их жизни. «...Сначала определено было оным (профессорам. – *В.Т.*) давать сверх жалования квартиру, дрова и свечи готовые, – сообщали они в Сенат (дело происходило в декабре 1745 г.), – а ныне только два профессора... оно получают... А прочим... на квартиру, дрова и свечи даётся по 60 рублей в год, которыми деньгами исправиться никак не можно». В 1730 г., когда подписывались контракты с учёными, «квартиры много дешевле состояли, нежели ныне, также и мы все не женаты были, и холостому не столько, как женатому, покоев потребно... А ныне совсем другие обстоятельства, потому что многие из нас фамилии имеют, и оттого каждому не только больше покоев, нежели холостому, но притом и погреб, и

кухня, и конюшня надобны. А такую квартиру хотя дешевой ценою наймовать, то ниже ста рублей нанять не можно, а некоторым и дороже становится» [1. Т. 7. С. 721]. Хорошо знавший материальную сторону жизни петербургских учёных А.-Л. Шлёцер искренне удивлялся, как Миллер, проживая в таком дорогом городе, как Петербург, и содержа на 1700 руб. в год (которые он получал «как профессор, историограф и секретарь своей Академии») дом, где «всё давало знать если не о роскоши, то о счастливом благосостоянии», «не имел долгов». Подобное, замечает он, «и тогда, до появления бумажных денег, было редкостью в этом классе людей в Петербурге» [7. С. 25]. Кроме Миллера, материально хорошо обеспечены были, пожалуй, ещё только Ж.-Н. Делиль, Л. Эйлер и (позднее) М.В. Ломоносов – крупнейшие учёные Петербургской академии того времени.

Таким образом, с достаточным основанием можно утверждать, что социальные условия жизни и материальное положение петербургских учёных в 30–40-е гг. XVIII в. ухудшились. Жалованье, единственный надёжный источник доходов, не увеличивалось; жилищные условия ухудшались; расходы росли. Всё это непосредственно затрагивало их жизненные интересы и, разумеется, не могло не сказываться на отношении к правительству (на службе у которого они находились). Примечательно, что жалованье, которое им выдавалось за службу, учёные всегда рассматривали как награду, получаемую из рук «Её И. В.». [1. Т. 5. С. 928, 950; Т. 7. С. 382].

2. ОТНОШЕНИЯ С ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТОЙ

Факты свидетельствуют, что с течением времени отношения между учёными и правящей элитой становились всё более напряжёнными. Вот как описывал, например, поведение учёных Шумахер (письмо адресовано президенту Академии Л. Блюментросту и датировано 22 августа 1728 г.): «Третьего дня (20 августа), после обыкновенной конференции, между гг. профессорами поднят был вопрос: не следует ли отнестись прямо в верховный тайный совет касательно денег, должных Академии? Все они единодушно согласились, что это даже весьма необходимо. Четверть часа спустя после такого решения, г. Бильфингер посылает своего лакея позвать меня в залу, где собрались господа. Хотя такой поступок г. Бильфингера был не слишком вежлив, однако я явился в помянутую залу, спокойный и покорный, как будто всегда обязан быть внимательным и готовым к их приказаниям. Едва только вошёл я, как г. Бильфингер, будучи в[о] главе собрания, сказал мне с усмешкой: “Здесь, милостивый государь, идёт дело о деньгах. Мы согласились писать к г. лейб-медику (Блюментросту. – *В. Т.*) и в верховный тайный совет о нашем жалованьи. Как вы думаете об этом?” – Теперь уже поздно, отвечал я, дело кончено, и протокол подписан в верховном совете. Бильфингер – заметьте, что никто не говорил кроме [н]его и Бекенштейна – спросил меня: откуда имею я это сведение, писал ли о том г. лейб-медик, или нет? Я отвечал, что г. Гмелин (однофамилец известного впоследствии академика, занимавшийся письмоводительством при Блюментросте)... передал мне его повеления. Соскучившись от многих других глупых воп-

росов, я раскланялся и ушёл. Не знаю, на что они решились, только хранят это втайне. Не правда ли, это прекрасная конференция? Терпение! Вы узнаете ещё много других вещей...» [6. Т. 1. С. 22–23]. Неудовлетворённость материальным положением была, следовательно, одной из причин более высокой (по сравнению с другими слоями русского общества, объективно противостоявшими дворянству) социальной активности петербургских учёных. Однако в гораздо большей степени социально активными делало их другое обстоятельство – наступление правящих кругов на их права.

Хотя Петербургская академия и являлась государственным учреждением, члены её не были включены в «Табель о рангах». Получение чина учёным было явлением редким и всегда расценивалось как особая милость [6. Т. 1. С. 372]. В стране, где положение в обществе всецело определялось происхождением и где талант и учёность ценились невысоко, учёные были отделены от господствующего сословия непреодолимой стеной. «...Величайшие учёные оставались без ранга, – констатировал этот факт Г.-Ф. Миллер, – и это в империи, где все права определяются в соответствии с рангом, где каждый, кто не имеет ранга, не может появиться в общественном месте...» [1. Т. 6. С. 175].

Остро ощущая социальное бесправие, учёные неоднократно обращались в правительственные инстанции с просьбой предоставить Академии привилегии, которыми пользовались члены других государственных коллегий, в частности «профессоров положить в рангах и достоинстве членов оных же коллегий». «...Мы, – заявляли они, – уже прежде сего, в нашем отечестве, обыкли быть с коллежскими советниками в одном ранге» [1. Т. 1. С. 448]. Однако российское дворянство ревниво оберегало свою кастовость. Как господствующее сословие оно не могло существовать иначе, кроме как удерживая все прочие слои русского общества в положении слуг: политическое бесправие огромной части русского общества являлось основой его собственного политического всевластия. Отказ допустить в свои ряды иностранных учёных – лишнее тому подтверждение.

В 1733 г. правительство попыталось взвалить на учёных налоговое бремя. В соответствии с решением Кригс-Коллегии от 24 июля (подтверждённым затем специальным сенатским указом) Академия наук (как государственное учреждение) подлежала уплате единовременного денежного налога на госпиталь для воинов-инвалидов. Налог равнялся 1% от жалованья. Подробно обстоятельства дела (растянувшегося без малого на полтора года) описаны Г.-Ф. Миллером [1. Т. 6. С. 303–304] (в воспоминания историка вкралась, однако, неточность: сенатский указ, подтверждавший силу решения Кригс-Коллегии, поступил в Академию не 18 декабря, как он утверждает, а 15-го) [1. Т. 2. С. 409]. Под угрозой оказалась одна из основных привилегий, которой Академия пользовалась со времён Петра, – освобождение от налогов. Учёные решительно вступились за свои права. После бурных дебатов в академическом Собрании года [8], продолжавшихся весь февраль следующего, 1734 г., было принято решение опротестовать действия правительства как незаконные. 8 мая протест был составлен и передан императрице [1. Т. 2. С. 461–465]. Г.-Ф. Миллер свидетельствует,

что после того как «представление» было передано императрице, в Канцелярию Академии поступило «новое распоряжение»: направить его в Сенат (что и было сделано) [1. Т. 6. С. 304].

Выражая несогласие с действиями правительства, учёные напоминают, что Петербургская академия «не таким порядком учреждена», как прочие государственные коллегии. Она основана «по примеру чужестранных академий и университетов», следовательно, «праведно... надеяться могла» бы «от таковых и... сим подобных сборов быть свободна». «Такожде и в заключённых с нами контрактах, – указывают авторы документа, – как мы ещё во отечестве нашем находились, обещана нам [была] не токмо вся сумма нашего жалованья, без всякого вычета, но во оных же контрактах и то положено, чтоб мы всеми сей академии данными привилегиями пользовались» [1. Т. 2. С. 462].

Как видим, учёные приводят в свою защиту один аргумент: они иностранцы, права и обязанности которых определены в контрактах. Равным образом и правовой статус Академии, в которой они работают, должен, по их мнению, отличаться от правового статуса других государственных учреждений России, ибо она «по примеру чужестранных академий и университетов» учреждена. Эта мысль об особом статусе Петербургской академии красной нитью проходит через весь документ и обыгрывается в разных вариантах.

Здесь и ссылки на кодекс Юстиниана, на примеры (правда, неконкретные) из истории средневековой Европы, из которых следует, что во все времена у всех европейских народов учёные, врачи и учителя всегда освобождались от налогов и податей, «как до вещей, так [и] до персон и денег принадлежащих» (составителем документа был историк Г.-З. Байер [6. Т. 1. С. XLVIII. Прим. 1]); здесь и ссылки на действующие европейские академии, где «такое обыкновение хранится»; здесь и ссылки на основателя Петербургской академии Петра I. «Такожде уповаем мы, – пишут учёные, – что сие освобождение с мнением блаженной и вечнодостоинной памяти императора и основателя академии нашей, Петра Великого, весьма согласно, понеже он при основании гошпиталей и при издании указов о вычете гошпитальных денег академии ещё не учреждал». Словом, «сие право в вечное обыкновение вошло» [1. Т. 2. С. 462–463].

Стало быть, коль скоро Петербургская академия (европейская академия!) должна рассматриваться в одном ряду с аналогичными учреждениями Запада, то и права и привилегии последних равным образом должны распространяться на неё. Мысль, как видим, всё та же. Учёные защищают права, которые им как иностранцам первоначально были дарованы и которых их теперь пытаются лишить.

Также «и в заключённых с нами контрактах..., – продолжают они, – обещана нам не токмо вся сумма нашего жалованья без всякого вычета, но... и то..., чтоб мы всеми сей академии данными привилегиями пользовались. А понеже (sic!) привилегии академические наипаче в выключении от публичных сборов состоят, ибо *иных привилегий мы почти и не знаем* (sic!), и *ежели от помянутых сборов выключены не будем, то весьма никаких не имеем* (!)» (выделено мною. – В.Т.) [1. Т. 2. С. 462].

Социальный смысл заявления очевиден. Учёные лобят правительство на данном некогда обещании проявлять о них особую заботу: «...Обнадёжьте нашу императорскою милостию, – писала в 1725 г. русскому эмиссару в Берлине графу А.Г. Головкину Екатерина I, – чтоб по своим контрактам, без сумнения, (учёные. – В.Т.) следовали сюды. Для которых здесь всё потребное уготовление учинено, и *будут содержаны у Нас в особливом нашем призрении*» [1. Т. 1. С. 92] (выделено мною. – В.Т.). Это обещание оказалось в действительности демагогией. «Замороженное» жалованье, ухудшение жилищных условий, произвол Канцелярии (об этом будет сказано ниже), теперь ещё налоги – вот то, что они имеют на деле. Привилегии же, о которых много говорят, – миф. В действительности они лишь «в выключении от публичных сборов состоят» («иных привилегий мы почти и не знаем»). Если не опасаетесь разоблачения себя как демагогов в глазах общественности – лишайте нас последней привилегии – таков смысл протеста. Вот как, например, характеризовали ситуацию в Академии руководившие ею в это время её старейшие члены Х. Гольдбах, Г.-З. Байер и И.-Д. Шумахер. «Академия ныне в великой скудости обретаётся», – сообщали они в Сенат 7 сентября 1734 г., – денег нет. «...Откуда ныне даваться может профессорам...; откуда кормится могут протчие академические служители, а наипаче мастеровые люди, которые в таком состоянии все обретаются, что пропитание ежедневное едва имеют: и тако опасно есть, чтоб вся академия... не пришла в смешательное, паче же во отчаянное состояние, в которое никогда не впадала». [1. Т. 2. С. 486–487]. В донесении от 9 октября того же года те же лица извещали Сенат, что Академии не на что купить даже свечи [1. Т. 2. С. 495–496]. Отсюда, кстати сказать, становится понятной и столь негодующая реакция учёных на решение правительства о взимании с Академии госпитального налога: он задевал за наболевшее.

Кто ещё в России в то время мог позволить себе подобное обращение с правительством? Значение борьбы иностранных учёных за свои права (с одним из проявлений которой мы ознакомились) было чрезвычайно велико. Они прокладывали дорогу к гражданскому обществу в России. Забывать об этом сегодня – значит существенно обеднять содержание истории русско-немецких научных связей. Политический демарш – одна из первых форм политической борьбы буржуазии – в России был открыт учёными Петербургской академии наук.

Столкнувшись со столь решительным противодействием, правительство отступило (опускаю анализ заключительных частей заявления – они повторяют сказанное и интереса для нас не представляют). Указом Сената от 17 декабря 1734 г. Академия освобождалась от уплаты налога на госпиталь [1. Т. 2. С. 529]. Когда 21 декабря указ Сената прислали в Академию, выяснилось, что деньги из зарплаты учёных успели удержать, и новый «командир» Академии И.-А. Корф вынужден был специально обратиться в военное ведомство с требованием вернуть налог [1. Т. 2. С. 580–581]. Завершился один из первых в истории Петербургской академии эпизодов борьбы учёных за свои права. В 1742–1743 гг., однако, попытки обложить Академию налогами возобновились [1. Т. 5. С. 734–736, 738–740].

Неопределённость статуса Академии (не имевшей до 1747 г. Регламента) и бесправность учёных как сословия делали вмешательство правящих кругов всё более частым и бесцеремонным. В том же 1734 г. в Академии случился ещё один прецедент, весьма примечательный с точки зрения её правового статуса. Указом Сената (выполнившего в данном случае распоряжение Двора) Г.-Ф.-В. Юнкер, числившийся адъюнктом, был произведён в профессора с соответствующей прибавкой жалованья [1. Т. 5. С. 457–458]. «Таким образом, – справедливо замечает по этому поводу Ю.Х. Копелевич, – профессор в Академию назначался так, как чиновник в любое другое учреждение» [2. С. 128]. Случай положил начало растянувшейся на десятилетия практике назначения кандидатов на профессорские должности без согласования с учёными, в исключительной компетенции которых данный вопрос находился. В разное время таким путём профессорами и адъюнктами Академии стали И.-К. Тауберт, В.К. Тредиаковский, Г.Н. Теплов, А.-Л. Шлёцер и др. Учёные не осмелились оспорить решение (если не считать презрения и насмешек, которыми они окружили новоиспечённого профессора и которые однажды привели к драке Юнкера с профессором И. Вейтбрехтом [2. С. 127–128; 9]). Пощёчина осталась без ответа. Есть, правда, основания предполагать, что исход данного инцидента косвенным образом повлиял на событие, имевшее место вскоре после назначения Юнкера профессором, а именно заявление учёных по поводу госпитального налога. Какие это основания? Во-первых, время. Хронологически оба события почти совпадают: указ о назначении Юнкера был подписан 10 апреля, ответ учёных составлен четыре недели спустя – 8 мая. Во-вторых, на такое предположение наводят некоторые места из заявления учёных, а именно слова о том, что иных привилегий, кроме освобождения от налогов, они не имеют. Не содержится ли в них скрытый намёк на недавнее назначение Юнкера, явившееся грубейшим нарушением прав Академии?

В отношении прав учёных в связи с их статусом иностранцев правящие круги были более осмотрительны. Вторжение в эту сферу прежде всего могло повредить их репутации в глазах общественного мнения Европы, суда которого они опасались. Однако и здесь – такова была их природа – они демонстрировали неограниченность своей власти.

Задержки отпусков учёных, сроки контрактов которых истекли, начались уже в 1731 г. Первой жертвой бюрократического произвола стал И.-С. Бекенштейн. В служебной записке на запрос Сената от 1 декабря 1732 г. учёный сообщал, что по прошествии пяти лет, он надеялся «получить обещанный апшит» (от нем. *Abschied* – отпуск, отставка, – термин, широко использовавшийся в академическом делопроизводстве того времени), о котором просил «в надлежащее время». «Но токмо, – заключает он, – поныне... получить» не могу [1. Т. 2. С. 204]. Ждать отставку учёному пришлось почти четыре года: фактический срок его контракта истёк в июне 1731 г. (формально срок контракта окончился еще 3 декабря 1730 г., однако, учитывая, что в Петербург он прибыл с опозданием [2. С. 92], мы, соответственно, исчисляем время его службы в России фактическим, а не формальным временем

(что, по-видимому, сделала в своё время и академическая администрация), Россию же он покинул в мае 1735 г. [10. С. 5]. Конкретные причины задержки Бекенштейна неясны. В письме от 26 января 1731 г. Шумахер сообщал президенту Академии, что уговорил учёного остаться в России ещё некоторое время [6. Т. 1. С. 198–199. Прим. 3]. Однако, как видно из цитированного выше документа, сам Бекенштейн и после указанного времени не изменил решения уехать. В документе, фиксировавшем факт его отъезда, записано, что учёный отпускается «во отечество его, в город Гданск, для крайней его нужды и исправления домашних его дел» сроком на один год [1. Т. 2. С. 727]. Что скрывается за этой официальной формулировкой, можно только догадываться (Миллер, правда, утверждает, что Бекенштейн был разочарован встречей с Россией и в продолжение многих лет не мог избавиться от возникшего у него тягостного чувства) [1. Т. 6. С. 54–55].

История с задержкой Бекенштейна не стала исключением. В «смутное» пятилетие, следовавшее за падением Бирона и отставкой президента Академии К. Бреверна, случаи задержек участились настолько, что учёные забили тревогу. «...Предлагаем в милостивое разсуждение, – писали они в одном из обращений в Сенат, – ежели иностранный человек, оставя своё отечество и род свой, приезжает сюда служить, хотя по призыву или сам собою, и при вступлении в службу обязуется в контракте на уречённое число лет, с таким договором, буде он по прошествии тех лет более служить не пожелает, то ему дан будет абшит без задержания, – не разумеется ли тем, [что] ежели он абшита не потребует, [то] ...вечное ему место здесь будет?» [1. Т. 7. С. 553].

Опасения не были напрасными. Право свободного выезда из России действительно оказалось под угрозой, как это подтвердили события, связанные с задержкой профессоров Г.-В. Крафта, Г. Гейнзиуса и И.-Х. Вильде, а также адъюнктов Х.-Э. Геллерта и Ф. Мулы. В частности, как свидетельствуют сами учёные, названные лица удерживались в России против их воли потому, что «Её И. В. неприятно» было узнать, что «здешние учёные люди хотят отъезжать в другие государства...» [1. Т. 7. С. 549]. Правительство, несомненно, было всерьёз напугано массовым (каковой в действительности являлась данная акция) отъездом учёных-иностранцев и в очередной раз не нашло решения более умного, чем прямое насилие. Политика правящих кругов в отношении Академии не отличалась дальновидностью.

На очередную попытку ущемить их права учёные ответили серией энергичных протестов. Первый последовал 11 апреля 1743 г. Это был ответ на запрос Сената относительно способности Г.-В. Рихмана (недавно ставшего профессором) заменить увольняющегося Крафта [1. Т. 5. С. 624–625]. Уклонившись от ответа по существу запроса («...так как мы в настоящее время не имеем президента, то не можем знать, какой вид хотели бы придать академии в будущем, следовательно, не можем также дать определённый ответ на этот вопрос»), учёные воспользовались им как поводом для выражения недовольства политикой правящих кругов в отношении Академии. «Будет ли между тем или не будет проф. Рихман назначен на место проф. Крафта, – заявляли они, – наше мнение склоняется к тому, чтобы проф. Крафту, согласно его контрак-

ту, отставка дана была без дальнейшей задержки; ...ни один профессор не обязан ожидать свою отставку до тех пор, пока его место не займёт другой...» (выделено мною. – В.Т.) [1. Т. 5. С. 624–625].

В октябре и ноябре протесты были направлены в адрес императрицы. «Вашего Императорского Величества высочайшее решение и всемилостивейшее повеление в этом деле (в вопросе об отпуске из России названных лиц. – В.Т.) тем больше пользы принесут, – говорилось в первом из них, – чем больше здешняя академия нужду иметь будет с другими иностранными местами и академиями в доброй и дружественной связи находиться, чего истинное намерение Петра Великого требует, без чего вынуждены напомнить, что с начала академии все её члены, согласно их контрактам, когда они того требовали, отпускались без малейшей задержки, а некоторые из них ещё и пенсиями всемилостивейше награждались, против чего другие на их места с лёгкостью призваны были» [1. Т. 5. С. 928–929].

Как видим, учёные вновь требуют соблюдения их прав как иностранцев. Согласно заявлению, «здешняя академия» (т.е. они) «нужду иметь будет» поддерживать дружественные отношения с «другими иностранными местами и академиями» только в том случае, если правительство будет выполнять свои обязательства в отношении их прав. В противном случае они «вынуждены напомнить», что они иностранцы и, как таковые, имеют право требовать (как и их предшественники) отставку «без малейшей задержки». Правительство должно подумать о последствиях своего решения: возможно ли будет «с лёгкостью» заполнить освободившиеся места, если их насильно будут удерживать в России? Это был первый и, пожалуй, единственный в истории Петербургской академии случай, когда члены ее, защищая свои права, прибегли к угрозе культурной блокады России.

В ноябрьском документе вопрос об отпуске учёных из России поднимается вновь. И вновь – теперь уже открыто – звучит угроза культурной блокады. Учёные не считают нужным более выражать свои требования в не прямой, завуалированной форме. Если подобным образом будут обращаться с иностранцами, «людьми вольными», поедут ли другие в Россию? – ставят они вопрос. Нет, «потому что всяк по справедливости опасаться будет толиким трудностям и нечаянным утеснениям себя подвергать» [1. Т. 5. С. 951–952].

Правительство вынуждено было уступить. В мае–июле 1744 г. Крафт, Гейнзиус, Вильде, Геллерт и Мула покинули Россию [10. С. 7, 10–11]. Однако уже в начале следующего, 1745 г. вновь вспыхнул аналогичный конфликт. На этот раз «вечное место» в России грозило И.-Г. Гмелину [1. Т. 8. С. 20–22, 32–34, 369–370, 489–490, 492–493, 493–495; Т. 9. С. 431; 11. Т. 1. С. 441–448; Т. 2. С. XL–XLI, 398–400; 12]. И вновь учёные должны были защищать свои права [1. Т. 8. С. 32–34]. Подобные инциденты имели место также в последующие годы [7. С. 222].

Таковы были отношения иностранных учёных с правящей элитой России. Они, как мы убедились, не были простыми. Учёные не находили в действиях правительства того, что можно было квалифицировать как проявление заботы о науке (под которой они понимали как условия содержания Академии, включая заработную плату

учёных, так и, в особенности, её правовой статус). Напротив, нередко им приходилось защищать науку – Академию и себя – от правительства. Равным образом защищать науку приходилось также от назначенных правительством президентов Академии и чиновников Канцелярии. Именно в столкновениях с академической бюрократией возникла новая, более высокая форма протеста – корпоративное движение.

3. ОТНОШЕНИЯ С АКАДЕМИЧЕСКОЙ БЮРОКРАТИЕЙ. РЕЖИМ «ШУМАХЕРЩИНЫ»

Академии с самого начала не удалось отстоять независимость в делах управления. Во главе её появились бюрократическая Канцелярия и назначившийся Двором президент [2. С. 110–137]. Тем самым, если не *de jure*, то *de facto* она была приравнена к государственным учреждениям обычного типа, где стали насаждаться порядки, господствовавшие тогда во всей России.

Демократические традиции, носителем которых выступало профессорское Собрание, получили в Петербургской академии своеобразную «прописку». Их наличие (или отсутствие) целиком зависело от личности президента. Если президент уважал права профессорского Собрания, демократические традиции сохранялись и получали развитие. Если же учёные к участию в решении академических вопросов не допускались, верх брал бюрократический произвол. В Петербургской академии учёные никогда не играли той роли, которую они играли в западных академиях. Стать серьёзным противовесом академической бюрократии они, следовательно, не могли. Последняя получила широкий простор для деятельности.

Шумахер свидетельствовал, что академическая Канцелярия «началась» сразу же «после того..., как проект об академии от... Петра Великого... подписан» был, и что юридическое «определение» о «бытии оной канцелярии» было «закреплено от первого президента Блюментроста, у которого в доме оная канцелярия со всеми делами и канцелярскими служителями» находилась. «...Во оной канцелярии, – разъяснял он, – все президенты... присутствовали, и к профессорам ордеры, а во все подчинённые места указы посылались, и все дела происходили» из неё же [1. Т. 7. С. 745–746]. Свидетельство Шумахера находит документальные подтверждения [1. Т. 1. С. 14, 26–27, 30, 31, 33–34, 36–37, 65, 211, 403; 13. С. 12–28].

Академическая Канцелярия с самого начала имела противоречия с профессорским Собранием. Это было столкновение двух антагонистических начал: бюрократического (в лице академической Канцелярии) и демократического (в лице профессорского Собрания). В первые годы существования Академии действительное соотношение этих сил не было выявлено. Президент Л. Блюментрост, которому принадлежала вся полнота власти, дал возможность играть учёным некоторую роль в управлении Академией. Он всегда присутствовал в Конференции и советовался с её членами. Так, во всяком случае, утверждали сами учёные. [1. Т. 7. С. 503–504]. Однако одновременно он дал простор для деятельности Канцелярии, ставшей «бюрократическим придатком, обре-

меняющим научное ядро Академии» [2. С. 112]. Было очевидно, что такой порядок управления не мог сохраняться долго.

В январе 1728 г. Блюментрост, исполнявший обязанности придворного лейб-медика и бывший президентом Академии лишь по совместительству, переехал вместе с Двором в Москву, временно отойдя от непосредственного участия в делах Академии. Обязанность формально возглавлять Академию, возложенная на него Петром I, была, скорее всего, временной, так как в Проекте, получившем одобрение императора, предполагалось, что будет «сие здание... само себя править» [1. Т. 1. С. 21]. Официально назначив Блюментроста президентом Академии, Екатерина I также, по всей видимости, не предполагала оставить его в этом качестве надолго, поскольку не освободила от обязанностей лейб-медика – ожидали окончания работы над академическим Регламентом, в котором вопросы управления, в том числе вопрос о президенте, должны были получить окончательное решение. Покидая Петербург, он оставил инструкцию, в соответствии с которой управление академическими делами передавалось в руки «библиотекаря» Шумахера. Последнему предписывалось «в помощь себе каждые четыре месяца брать в товарищи... одного из членов Академии» [2. С. 112]. Учёные, однако, «сочли оскорбительным для себя быть в товарищах (т.е. помощниках. – *В.Т.*) у библиотекаря» [1. Т. 7. С. 541] и совсем отказались от участия в управлении. «Между президентом Блюментростом и членами Академии, – свидетельствовали они, – возникли (тогда. – *В.Т.*) великие несогласия» [1. Т. 7. С. 540–541].

Ссорой с Блюментростом дело не кончилось. Возмущённые профессора обратились за поддержкой к императору [1. Т. 1. С. 444–448]. Они отказались признать первенство в управлении за Канцелярией (ибо именно таков был смысл президентской инструкции) и потребовали передать власть «всем профессорам» [1. Т. 7. С. 541]. «...Мы, – заявляли они, – содержанию оной инструкции весьма удивились, когда... усмотрели, что в оной правление нашего собрания... профессорам не поручено, что бы... учинить надлежало...» [1. Т. 1. С. 446]. Учёные обращали внимание монарха на то, что им «перед всем светом безчестно» будет, если их ещё «от правления сего собрания выключить», и что в проекте императора Петра Великого «написано»: «...академия должна сама себя править, и для того из профессоров выбирать президента» [1. Т. 1. С. 445]. Протесты действия не возымели.

Становление академической Канцелярии как составного звена государственной машины Российской империи происходило посредством постепенной передачи ей функций, являвшихся первоначально прерогативой высших государственных органов. Основание Академии рассматривалось как дело государственной важности, с развитием которого связывались надежды на научный и культурный прогресс страны [2. С. 32–65; 14. С. 284–333]. Поэтому ей уделялись соответствующее внимание и забота. Помимо собственного активного участия, Пётр, как известно, привлёк к делу крупнейших государственных деятелей России того времени, в числе которых были канцлер Г.И. Головкин, адмирал Ф.М. Апраксин, фельдмаршал Я. Брюс, генерал-прокурор Сената П.И. Ягужинский, вице-президент Синода Ф. Прокопович, сенаторы

Б.И. Куракин и А.Г. Головкин, ближайший сподвижник царя В.Н. Татищев и многие другие. В кругу этих лиц решались все вопросы, связанные с основанием и начальной деятельностью Академии [2. С. 32–112; 14. С. 309, 319, 326–328].

Однако в сложной внутривластной обстановке послепетровского времени правящим кругам стало не до науки. Втянутые в водоворот борьбы за власть, они забыли о существовании Академии, вверив её судьбу президенту. Блюментрост же, несмотря на близость ко Двору, не мог обеспечить стабильность в Академии. «...Обязанности при дворе не позволяли (ему. – *В.Т.*) целиком отдаваться (академическим. – *В.Т.*) делам... К тому же и по своей натуре Блюментрост не отличался бережливостью и не склонен был вникать в хозяйственные мелочи. Поэтому всё большую власть приобретал библиотекарь... И.Д. Шумахер, человек чрезвычайно деятельный, оборотистый и тщеславный» [2. С. 112].

Шумахер «был помощником Блюментроста по переговорам и переписке с учёными, с разными учреждениями. Но поскольку назначенный из сената комиссар Алексей Юров плохо разбирался в академических делах, Шумахер фактически единолично распоряжался денежными средствами. По всей видимости, именно он был инициатором создания при Академии художественных классов и мастерских, а также собственной большой типографии. Необходимость вести переписку с учреждениями, составлять “репорты”, “доношения” и “промемории” заставили Шумахера иметь несколько русских писцов или копиистов – так зародилась Канцелярия...» [2. С. 112].

Какие функции выполнял этот бюрократический орган? Те, которые ранее являлись прерогативой Двора, Сената и президентов: подбор и приглашение учёных, заключение контрактов, приём на службу и увольнение, ведение служебной переписки, забота о своевременном поступлении денег и погашении задолженностей, наём квартир для академических служащих и их семей, строительство и ремонт академических помещений, выполнение заказов Двора и других государственных учреждений, организация и обеспечение научных исследований (включая организацию и обеспечение научных экспедиций) и т.д. Правительство и президенты тяготились этими заботами, Канцелярия – искала их. В этом отношении её становление как органа административной государственной власти мало отличалось от становления других аналогичных структур тогдашней России.

Возвышение Канцелярии было ярким и стремительным. В 1730-е гг. она занимала вторые (после президента) позиции в Академии, с начала 1740-х – первые. К. Бреверн, назначенный президентом вместо получившего отставку И.-А. Корфа, в Академии, по свидетельству учёных, «никогда не появлялся» [1. Т. 7. С. 544]. Об этом периоде единовластного правления Канцелярии (точнее, её шефа) остались любопытнейшие документы. Учёные обычно отождествляли Канцелярию с личностью её шефа. Под Канцелярией, заявлял, например, И.-Г. Сигезбек, «я разумею господина Шумахера с господином секретарём Волчковым» [1. Т. 7. С. 651]. Шумахер, сообщается в одном из документов, стал тогда «присутствовать в одной (только. – *В.Т.*) канцелярии» (ранее Шумахер посещал также заседания Конференции, что

расценивалось как свидетельство признания Канцелярией административных прав учёных) и «командировать» Академию «оттуды»; «всякие доношения в... сенат и промемории в коллегии» стал писать «именем академии», не спрашивая на то разрешение учёных; «присылаемые... в академию указы» перестал объявлять в профессорском Собрании (равно как и «присылаемые правительствующего сената от экзекуторских дел повестки»); увольнение профессоров и адъюнктов (раньше даже «президент такой власти» не имел) стал производить «без указа правительствующего сената»; «без ведома академии» стал назначать почётных членов и оформлять соответствующие пенсии (чего «сами президенты без доклада – т.е. “без доклада” Двору или Сенату, – делать» не смели); изменил порядок ведения корреспонденции «с иностранными учёными» и подбор кадров для Академии и многое другое [1. Т. 7. С. 480–485]. Словом, Канцелярия стала главной, действующей именем правительства («без доклада»), силой в Академии.

Шумахер был дальновидным чиновником. Понимая, что фактическое руководство Академией перешло к Канцелярии, он указывал правительству на необходимость её официального узаконения. «Канцелярия, – разъяснял он, – учреждена для управления академических дел» [1. Т. 7. С. 623]. Однако правительство не спешило. Официально власть Канцелярии была узаконена только в 1747 г., когда поднявшиеся на защиту своих прав учёные едва не нанесли ей сокрушительный удар.

Возвышение Канцелярии как административного органа сопровождалось фронтальным наступлением на права профессорского Собрания. В том же документе, о котором шла речь выше, учёные сообщали, что «Шумахер... всякие дела при академии как учёные, так и экономические, хочет править один собою в своей канцелярии без общего академии согласия...» [1. Т. 7. С. 480]. В частности, свидетельствовали они, «при гимназии информаторов и студентов и других, до академии касающихся[ся] служителей он (Шумахер. – *В.Т.*) определяет и отрешает ему как угодно», невзирая на то что «гимназия всегда подчинена была профессорскому собранию»; «обретающимся при академии студентам... указывает, каким наукам... обучаться», хотя об этом также «надлежит разсуждение иметь в профессорском собрании»; «...взял на себя дирекцию над феатром анатомическим, который... дал ведать студенту Клейнфелту (М. Клейнфельду. – *В.Т.*) не по его, студента, наукам и достоинству и без академии ведома»; «переводчикам... даёт переводить книги один собою»; «типографию и всё, что надлежит до печатания..., ведаёт... один же...» [1. Т. 7. С. 482–484]. Даже Корф, с правлением которого, собственно, и было связано возвышение Канцелярии и её шефа, отзывался о последних самым нелестным образом. При этом президент Шумахер получил чин коллежского советника, а выпестованная им Канцелярия – равные с академическим Собранием права [2. С. 130]. Шумахера он называл «неучёным сочленом и канцелярским деспотом», а о созданном им учреждении говорил «как о яре для Академии» [6. Т. 1. С. 29].

Правление Шумахера было действительно диктаторским. С «диктатурой» режим Шумахера сравнил Э. Винтер [15]. Однако оно не было безграмотным (сравнительно с той безграмотностью, которая отличала, например, правление А.К. Нартова) и неэффективным (опять же относи-

тельно эффективности административных методов того же Нартова), как это можно заключить из рассуждений некоторых исследователей [16. С. 27; 17. С. 34]. Шеф академической Канцелярии был прирождённым руководителем. Созданная им административная система отличалась большой эффективностью. Другое дело, что оба эти фактора – талант руководителя и эффективная система управления – работали не на науку, а против неё. Следуя принципу *divide et impera*, Шумахер умело использовал в своих целях и многонациональный состав Академии, и то обстоятельство, что русские в ней находились в неравном по отношению к иностранцам положении. Русских (чтобы заручиться их поддержкой) он привлекал обещаниями содействия в получении профессорских должностей (никогда, впрочем, не выполнявшимися; В.Е. Адодуров, В.К. Третьяковский, М.В. Ломоносов, С.П. Крашенинников и другие будущие русские члены Академии не один год жили надеждами на милость шефа академической Канцелярии). В глазах соотечественников, немецких учёных, Шумахер разыгрывал роль защитника «немецких интересов». Наконец, немцы, французы, шведы, другие иностранцы как представители Запада противопоставлялись русским и украинцам как представителям России.

Главная пружина в академической политике, Шумахер жил напряжённой жизнью. С одной стороны, он являлся государственным чиновником, следовательно, был связан обязательствами с правительственными инстанциями. С другой – должен был (иногда против собственной воли) представлять интересы иностранных учёных – пёстрой и противоречивой социальной массы, поддержка которой (хотя бы формальная) являлась необходимым условием его власти. События 1742–1743 гг. со всей очевидностью показали это. Как посредник между иностранными учёными, с одной стороны, и правительством России – с другой, Шумахер был незаменим. На это обстоятельство справедливо указывают немецкие историки [18, 19].

Однако если служение правительству было для шефа академической Канцелярии делом привычным, то угодить учёным было непросто. Чтобы получить поддержку Академии, он должен был прилагать большие усилия и проявлять изобретательность. В результате возникла система управления, широко распространившаяся в России много позднее. «...Шумахер, – характеризовал суть этой системы М.В. Ломоносов, – для приведения профессоров в ссору между собою прибирал себе всегда из них по обстоятельствам партию, вооружал и ободрял молодых профессоров против старых, надобных себе привлекал выдачею наперёд или прибавкою жалованья, а других томлением, удерживая оное, сегодня того лаская, кого угнетал вчерась, переменял, как понадобится» [5. Т. 10. С. 45].

Имея такого соперника, как профессорское Собрание, Шумахер должен был неустанно заботиться об укреплении созданной административной системы. Он всячески препятствовал чтению лекций профессорами Академии «российским молодым людям», в особенности «детям людей знатных», опасаясь, что таким образом учёные «притти могут в знакомство в господских домах и чрез то» сыскать «себе патронов, которым они состояние своё и академическое показать могут» [5. Т. 10. С. 45]. Он всеми способами выживал из России неугодных профессоров, искореняя таким образом оппозицию, и, наоборот,

упорно разыскивал по всей Европе лиц, «которые бы все намерения и предприятия его похваляли» [1. Т. 7. С. 553]. Он завёл в тупик дело подготовки отечественных русских учёных, «от которых... уменьшения своей силы... опасался» [5. Т. 10. С. 46]. Он опутал Академию сетью преданной ему агентуры, с помощью которой осуществлял свои далеко идущие замыслы в отношении профессоров – «выведывал профессорские на себя советы (наветы. – *В.Т.*), всевал между ними ссоры, пользовался их несогласием (разногласиями. – *В.Т.*) и чинил им всякие огорчения» [5. Т. 10. С. 44]. Он, наконец, заручился поддержкой в среде господствующего сословия, в частности его высшей части – вельможного дворянства.

Внимательно изучив российские порядки и сделав для себя главный вывод, что «лестное слово, исходящее от трона, стоит сокровища» (собственные слова Шумахера из его письма к И. Штелину в Базель [6. Т. 1. С. 59]), Шумахер не упустил ни одного случая приобрести расположение тех, от кого зависела судьба Академии, а следовательно, и его собственная. По свидетельству того же М.В. Ломоносова (многократно подтверждённому свидетельствами других современников, в том числе иностранных учёных), шеф академической Канцелярии всегда заботился о привлечении на свою сторону «президентов (Академии. – *В.Т.*) и других знатных особ»: «...то подарением разных книг в хороших переплётках», то «грыдированных листов» (гравюр. – *В.Т.*), «то дачею» книг «в долг из казённой Книжной лавки» [5. Т. 10. С. 45], то – добавлю от себя – множеством других мелких услуг [1. Т. 5. С. 791–792; Т. 7. С. 418–424, 727]. Таким образом, за годы, проведенные в России, Шумахер приобрёл влиятельных покровителей, в числе которых были придворный лейб-медик императрицы Елизаветы граф И.-Г. Лес-ток, будущий канцлер России граф М.И. Воронцов, астраханский губернатор, тайный советник В.Н. Татищев и многие другие. Очевидец свидетельствует, что на свадьбе Шумахера, женившегося на дочери дворцового кухмистра, присутствовала вся петербургская знать, а посажёнными отцом и матерью жениха и невесты были император и императрица – Пётр и Екатерина [20]. Именно благодаря заступничеству названных лиц ему удалось избежать падения в опасные для него 1742–1743 гг. [1. Т. 7. С. 52–53; 6. Т. 1. С. 30–31, 43]. «В стране с 1725 г. сменилось пять императоров, в Академии сменилось четыре президента, а Шумахер оставался, исполненный сознания, что Академия держится на нём, и, видимо, сумевший внушить это многим», – справедливо замечает по этому поводу Ю.Х. Копелевич [2. С. 133].

По мере упрочения позиций Канцелярии как полномочного представителя государственной власти правительство всё реже вникало в дела Академии и, наконец, вовсе перестало интересоваться ею. В 1745 г. члены Сената, например, не помнили уже, кто были первые президенты Академии, которых они, судя по всему, путали с директорами академической Канцелярии (на это указывает, в частности, фраза, содержащаяся в сенатском запросе от 12 декабря 1745 г.: «...И кто во оной (Канцелярии. – *В.Т.*) президенты были...» [1. Т. 7. С. 745]. Последние, однако, в Канцелярии никогда не служили, но только присутствовали), не знали, когда возникла академическая Канцелярия и каким образом «библиотекарь» Шу-

махер стал её советником, каков штат Академии и жалование её служащих и многое другое, что им было известно в 1724–1725 гг., когда основывалась Академия [1. Т. 7. С. 470, 745]. Это обстоятельство, как выяснилось впоследствии, имело свою положительную сторону: в событиях 1745–1747 гг. учёным, взявшим на себя труд документально изучить юридическую сторону возникновения Академии, удалось ввести в заблуждение правительственных чиновников, предоставивших было (вопреки логике) административную власть профессорскому Собранию. Однако одновременно оно явилось одной из причин того произвола, который возобладал в Академии с утверждением в ней бюрократической Канцелярии.

Озабоченный устройством личных и государственных дел, Шумахер скоро перестал оглядываться на то, что Академия «избранными людьми наполнена» [1. Т. 1. С. 272]. Утверждение Канцелярии в качестве «главной команды» [1. Т. 5. С. 726] могло происходить только за счёт одновременного ущемления прав профессорского Собрания – главного её соперника в борьбе за власть. Там же, где начиналась борьба, оставалось мало места демократии и демократическим институтам.

Главным оружием, с помощью которого Шумахер утверждал своё господство, были финансы. Воспользовавшись тем, что денежные дела находились в его полном распоряжении и жалование являлось единственным источником доходов учёных, он поставил членов Академии в полную зависимость от Канцелярии. «А что больше жалобы достойно, – выговаривал президенту Корфу Ж.-Н. Делиль, – она канцелярия неправедным образом взяла команду и над Академиею наук и во всём определяет сама собою. К сему, якобы вышнему суду, надлежит идти просить милости для вспомоществования во всяких потребностях и выходатайствовать выдачу жалованья и прочих расходов и иждивений, которые часто для Академии учинить надобно...» [13. С. 41]. Насколько эффективными оказывались финансовые инструменты, свидетельствует отход в 1745 г. профессоров Делиля и Винсгейма от коллективных действий против Шумахера: учёные надеялись таким образом выговорить себе беспрепятственное получение жалованья [1. Т. 7. С. 490–491]. Деньги являлись главным рычагом власти академической бюрократии.

Другими средствами подчинения власти академической Канцелярии являлись преследования, штрафы, наказания, наконец, просто грубый чиновничий произвол, прежде всего притеснения со стороны Шумахера [1]. А.-Л. Шлёцер, приехавший в Петербург в начале 1760-х гг., утверждал, что сохранившему независимость взглядов в Академии удивлялись, как упавшему с Луны [7. С. 72–73]. Причину поразившего его явления немецкий учёный связывал с бесконтрольным хозяйничаньем академической Канцелярии. «Вообразите себе последствия, – писал он, – если эти всемогущие члены Канцелярии даже не были учёные. Никакая заслуга не признавалась, основательную учёность презирали, люди достойные упали духом, и наконец оставили mundum vadere sicut vadit. Деспотизм... распространился по всем степеням управления...» [7. С. 69–70].

Бюрократический произвол имел следствием массовый отток учёных. Наученные горьким опытом, они отказывались от высокого жалованья, служебных выгод и положе-

ния в обществе и возвращались на родину, где, по свидетельству Х. Гольдбаха, едва довольствовались пятой, а иногда и десятой долей того, что имели в России [21. С. 204]. Но, как характерно выразился один из них, «200 флоринов в Базеле» стоили «столько же, сколько 2000 руб. в России» [21. С. 70]. Знаменательный вывод! Более определённо высказался на этот счёт М.В. Ломоносов. «Там, – имея в виду западные академии, писал он, – собрание академиков само себе судья. Никакой посторонний, полуобразованный посредник не допускается до разбора учёных споров. Приходя за получением просимого, не дожидаются у канцелярского порога разрешения войти. Профессоры не ждут выплаты жалованья и не вымаливают его у невежд, которые поглядывают на них свысока и пугают отказом. Их покоя не нарушают, наконец, сторонние дела, чуждые содружеству муз» [5. Т. 10. С. 121].

Известия о притеснениях учёных в России, проникали в Европу, будоража общественное мнение. «Не буду говорить, – писал М.В. Ломоносов, – сколько вреда нанесли задержки в выплате жалованья академиком, а зачастую даже и пренебрежительный отказ в его выдаче, недостаток книг и необходимых для развития науки приборов, а также и прочие неприятности, причинённые Канцелярией Академическому собранию. Оттого-то очевидцами, членами Академии, выжитыми из неё путём обид, и разнесена была даже по чужим странам дурная молва о положении наших учёных. Нельзя удивляться после этого, что не только у нас ни один порядочный человек не желает отдать своих детей в Академию на выучку, но и чужестранные учёные, приглашённые в Академию, отказываются ехать в Петербург, несмотря на предлагаемое им крупное жалованье» [5. Т. 10. С. 40]. По свидетельству учёного, «близ десяти человек из Германии призываны были, однако все отказали» [5. Т. 10. С. 40]. Факт падения престижа Петербургской академии вследствие произвола Канцелярии отмечали также другие учёные [1. Т. 5. С. 929, 952]. Они указывают, что «лучше

хотят по известным своим привилегиям и вольностям от самих себя (хотя с небольшим достатком) зависеть, нежели стоять у канцелярской двери меж подьячими, или у Теплова (один из руководителей академической Канцелярии) в передней меж лакеями» [6. Т. 2. С. 923].

Обеспокоенное падением престижа Академии руководство прилагало усилия для спасения положения: ввело контроль над зарубежными связями Академии; запретило учёным передавать за границу сведения «об академических обстоятельствах и делах»; обратилось к своим зарубежным корреспондентам с циркулярным письмом, требуя от них «наблюдения» интересов Академии, членами которой они являются; наконец, отправило в Европу специальных эмиссаров с целью изменить мнение о Петербургской академии в лучшую сторону [6. Т. 1. С. 647–650; Т. 2. С. XLV]. Имели ли усилия успех? Имели. Однако не тот, на который рассчитывали организаторы.

Такова была действительность, с которой немецкие учёные встретились в России. Неудивительно, что они не мирились с ней. Они вовсе не были безропотными слугами правящей элиты, как принято считать. В границах, которые ставила им объективная реальность, они вели умную и смелую борьбу за свои права. Внешне эта борьба не была примечательной, однако это были первые шаги на пути к гражданскому обществу в России.

Речь идёт – ни много ни мало – о борьбе иностранных учёных за свои права: демократическое устройство Академии, уважение статуса иностранцев, улучшение материального положения и другое. В исторической литературе обычно не обращают должного внимания на этот факт, рассматривая его в лучшем случае как один из факторов формирования академической системы управления [2. С. 110–143]. Однако, как представляется, значение его гораздо шире, а влияние глубже, чем принято считать. В борьбе петербургских учёных за свои права следует искать истоки демократических движений в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Материалы для истории имп. Академии наук.* СПб., 1885. Т. 1; 1886. Т. 2; 1886. Т. 3; 1887. Т. 4; 1889. Т. 5; 1890. Т. 6; 1895. Т. 7; Т. 8; 1897. Т. 9; 1900. Т. 10.
2. *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской академии наук. Л., 1977.
3. *Гуковский Г.А.* Русская литература в немецком журнале XVIII века // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 407.
4. *Копелевич Ю.Х.* В дни основания // Вестник АН СССР. 1973. № 10. С. 128–131.
5. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1955. Т. 9; 1957. Т. 10.
6. *Пекарский П.* История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1.
7. *Шлёцер А.-Л.* Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлёцера, им самим описанная / Пер. с нем. с примечаниями и приложениями В. Кеневича // Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1875. Т. 13.
8. *Протоколы.* СПб., 1895. Т. 1. 1725–1743. С. 80–94.
9. *Копелевич Ю.Х.* Петербургский анатом и физиолог академик Иосия Вейтбрехт // Немцы в России: Петербургские немцы: Сб. статей. СПб., 1999. С. 30–31.
10. *Российская академия наук.* Персональный состав. Кн. 1. М.: Наука, 1999. 435 с.
11. *Майер Л.* К истории русско-немецких научных связей в XVIII в. (Неопубликованное письмо М.В. Ломоносова к И.Г. Гмелину) // Вестник МГУ (И). 1978. № 4. С. 29–35.
12. *Пекарский П.* Дополнительные известия для биографии Ломоносова // ЗАН. СПб., 1865. Т. VII. Приложение № 7. С. 30
13. *Пекарский П.П.* Отчёт о занятиях в 1863/64 годах по составлению истории Академии наук // ЗАН. СПб., 1865. Т. VII. Приложение № 4.
14. *Андреев А.И.* Основание Академии наук в Петербурге // Пётр Великий: Сб. статей. М.; Л., 1947.
15. *Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953. S. 328.
16. *Курмачёва М.Д.* Петербургская Академия наук и М.В. Ломоносов. М., 1975.
17. *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семёнов Л.К.* Академия наук СССР. Краткий исторический очерк (в двух томах). Т. 1. 1724–1917. М., 1977.
18. *Grau C.* Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler Vasilij N. Tatischev (1686–1750). Berlin, 1963. S. 117.
19. *Winter E.* Fruhaufklärung. Der Kampf gegen den Konfessionalismus in Mittel- und Osteuropa und die deutsch-slavische Begegnung. Berlin, 1966. S. 314.
20. *Дневник камер-юнкера Берхгольца, ведённый им в России в царствование Петра Великого, с 1721-го по 1725-й год.* М., 1903. Ч. III. С. 61–65.
21. *Юшкевич А.П., Копелевич Ю.Х.* Христиан Гольдбах. 1690–1764. М., 1983. С. 204.

Статья представлена кафедрой истории Древнего мира и Средних веков исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 15 октября 2004 г.